

ВЫШЕ МОЕГО ПОНИМАНИЯ

Был душный апрельский день. Пока я спешно пересекал парковку, у меня на лбу выступили капли пота. Предвещающая очередную тропическую грозу, по небу мчались мрачные грозовые тучи.

«По крайней мере, после дождя влажность хоть на время уменьшится», — размышлял я, попутно замечая, как обычная яркость гавайского дня смягчилась в ожидании грозы.

Дразнящий аромат плюмерии наполнял воздух, щекоча ноздри.

Толкнув дверь, я вошел в офис консультации и просмотрел расписание своего приема на остаток дня. Первым значился новый клиент Ларри Кумз.

Высокий и худощавый, с темными, тщательно причесанными волосами, он пришел ровно в два. Приветствуя его, я заметил, как он покусывал усы, а его длинные тонкие пальцы нервно тербели одежду. Меня удивило, что он не снял солнцезащитные очки, несмотря на слабое освещение комнаты.

«Как мне пробиться сквозь этот заслон?— подумал я. — Что сказать, чтобы он хоть немного расслабился и поднял забрало?»

ТРУДНАЯ СИТУАЦИЯ

Вот уже несколько недель я консультировал жену Ларри, христианку, находившуюся на грани срыва. Алкоголизм и наркозависимость Ларри не только съедали все семейные деньги, но и разрушали отношения супругов. Мы вместе с женой Ларри молились за ее мужа, и вот два дня назад она позвонила мне, радостно сообщив, что муж согласился прийти на консультацию.

Теперь, глядя на Ларри, сидящего в оранжевом холщовом кресле, я ломал голову над тем, как ему помочь. Мягко я задал ему несколько пробных вопросов.

— Ларри, ваш отец уделял вам внимание? Он наказывал вас?

Я подался вперед, чтобы разобрать его приглушенный, едва слышимый шепот. Однако через несколько минут он не выдержал, вскочил из кресла и принялся ходить взад и вперед. Затем взорвался потоком слов:

— Отец? А-а! Он никогда не заботился обо мне. Он так набрасывался на меня с кулаками, что сбивал с ног. Я никогда не знал, когда он сорвет на мне свою злость!

Мужчина нервно дергал усы.

— Я даже не помню, говорил ли он хоть раз, что любит меня!

Беспокойно шагая по маленькой комнате туда-сюда, он продолжал:

— Помню, как я... а-а-а... что-то украл. Какую-то безделицу. Папа был так взбешен, что потащил меня в полицейский участок и оставил там на неделю. Он сказал, что хочет преподать мне урок. И преподал! Я поклялся больше никогда не доверять ему!

Лицо Ларри, которое я с трудом мог рассмотреть из-за темных очков, стало как мрамор — твердым и холодным.

— Ларри, сколько лет вам было, когда это случилось?

— Двенадцать или тринадцать.

Он сжал кулаки и ядовито процедил:

— Он был так нечестен, так несправедлив! Он всегда думал только о себе. Я сбежал из дому при первой же возможности.

Ларри плюхнулся в кресло и снова «опустил свое забрало». Мои дальнейшие попытки продолжить наш разговор не увенчались успехом. Очевидно, он больше не собирался ничего мне рассказывать.

Мой секретарь постучала в дверь, давая понять, что меня ожидает следующий клиент.

— На сегодня наше время истекло, Ларри.

Я попытался скрыть свое разочарование. На лице мужчины промелькнуло облегчение, он встал и направился к двери.

– Ларри, я бы хотел вас видеть у себя снова.

– Хорошо, – пробормотал он и выскользнул за дверь.

Позже, оставшись в офисе один, я просмотрел записи, сделанные мной во время разговора с Ларри. Меня ошеломила его замкнутость. Как ему помочь? Ранее я обвел кружком слова «неуверенный, боящийся, беспокойный и униженный».

Что-то в едва сдерживаемом беспокойстве Ларри напомнило мне болезненный опыт моего собственного детства.

ТЯЖЕЛЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Эта сцена всплыла перед моими глазами очень отчетливо! Я переживал ее так остро, как будто это произошло вчера. Я видел свою учительницу (мне тогда было 8 лет), высокую и угрюмую, с коротко подстриженными сидящими волосами. Она не была моим близким другом. Однажды утром учительница попросила меня спуститься вниз и посмотреть, который час. Школьные часы были большими и круглыми с длинными, легко различимыми стрелками, поэтому ее задание показалось мне легким. Но, несясь вниз по широким деревянным ступеням, я вдруг вспомнил, что не умею определять время по циферблату!

Глядя на большие школьные часы, я пытался совладать с накатывающей на меня волной страха. Как признаться в своем поражении перед всем классом? Минуты шли, а я все еще боролся с собой. В конце концов я решил просто придумать, сколько времени! Когда я вошел в класс, все смотрели на меня, ожидая ответа.

– М-м, а-а, шесть часов, – промямлил я.

Какой-то миг учительница смотрела на меня с поднятыми бровями, после чего заулыбалась. Хихиканье моих одноклассников сменилось открытым смехом. Мои щеки вспыхнули румянцем, а губы мелко затряслись. Вытирая потные руки о рубашку, я метнулся к своей парте и попытался спрятаться от позора за книгами.

Учительница усугубила ситуацию тем, что в дальнейшем стала использовать мою ранимость для поднятия настроения класса. И

чем чаще она это делала, тем больше я боялся и отдалялся от одноклассников. Кончилось тем, что любое участие в жизни класса вызывало у меня желудочные спазмы. За каждую мою ошибку она била меня линейкой по рукам. Я так ее боялся, что даже не мог смотреть ей в лицо.

ОБЩАЯ СВЯЗЬ

Воспоминание о своей боли дало мне новое понимание внутренней борьбы Ларри, так как я увидел параллель между нашими судьбами. Мы оба сражались с грубой, авторитарной личностью, ища любви и понимания окружающих, но вместо этого столкнулись с несправедливостью и получили раны. Мне пришлось годами работать над этими эмоциями, от которых меня трясло, как желе на тарелке. Ощувив разбитость, я отложил записи и стал молиться за следующего клиента.

Через неделю Ларри вновь пришел ко мне. Тяжелые низкие тучи не давали солнечным лучам проникнуть в нашу комнату, а мой клиент все так же прятался за темными очками. Но, по крайней мере, он казался менее испуганным и напряженным. Расположившись в холщевом кресле, стоявшем рядом с моим, мужчина наконец разговорился. Он еще немного нервничал, но уже не метался взад-вперед, как лев в клетке.

Ларри признался, что в подростковом возрасте стал хиппи, менял одну девушку за другой, употреблял наркотики. Это толкнуло его на путь преступления.

Теперь у Ларри были жена и ребенок, и он учился доверять людям, но каждый раз, когда его обижали или унижали, он снова впадал в ярость.

Подавшись вперед, я спросил:

— Какие чувства вызывает у вас ваше поведение?

Он конвульсивно дернулся и нервно забарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

— Я часто чувствую себя одиноким и впадаю в депрессию. Боюсь, как бы в ярости не сделать что-нибудь с женой и ребенком.

Я понимающе кивнул, и он продолжил изливать мне душу. К концу встречи мы оба вздохнули с облегчением. Закончив консультацию молитвой, на прощание я дружески пожал ему руку. На его губах промелькнула улыбка, когда он обещал снова прийти.

Однажды, находясь один в офисе, я полулежал в кресле, размышляя об услышанном. Я столкнулся с самой трудной задачей за все время работы. В жизни Ларри так много осколков! Можно ли соединить их? Он напоминал Шалтая-Болтая, которого нужно было собрать по кусочкам. Мне предстояло стать для Ларри «всей королевской ратью».

«Господь, Ты так нужен мне! — взмолился я. — Ты нужен мне, чтобы открыть дверь этой жизни, прежде чем она захлопнется навсегда!»

Кто мог знать, что это станет началом великого откровения и новой страницы в моем служении!

ПОИСК ОТВЕТОВ

После нашей предыдущей встречи с Ларри я взыскал Господа и почувствовал, что Он дает мне ключ к его проблемам. К третьему визиту у меня было припасено для него кое-что новое.

— Привет! Как дела? — произнес Ларри, входя в комнату. Он уселся в кресло и непринужденно откинулся назад.

— Спасибо, хорошо, — ответил я, стараясь скрыть вздох облегчения при виде его спокойного состояния. — Ну, а как прошла ваша неделя?

— Лучше. Я долго думал о нашем разговоре... Да-а-а, я даже обсудил кое-что с женой.

Когда мы продолжили говорить о взаимоотношениях, я спросил, были ли у него прежде любящие отношения с кем-либо (с родителями, братом и т.д.). Он покачал головой:

— Нет, до встречи с женой ничего такого не было.

И Ларри продолжил рассказ о том, как жена все время была рядом с ним и не бросала его ни при каких обстоятельствах. Вместо критики и обвинений, которые раньше были его посто-

янными спутниками, впервые в жизни Ларри ощутил искреннюю заботу о себе.

— Мне нелегко это принимать, — признался он, — ведь я привык, что никому до меня нет дела.

Пока мы говорили о любви его жены и ее значении в жизни Ларри, медленно и нерешительно мой собеседник снял темные очки. Впервые за три недели я увидел его глаза — темно-карие, почти черные. Они были влажными от слез и задумчиво-отстраненными.

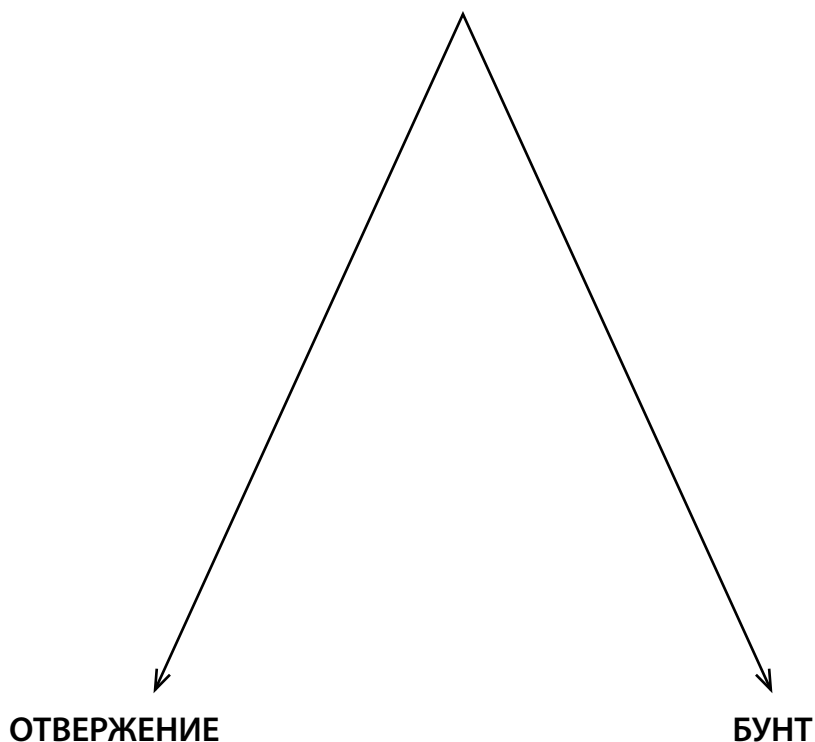
Прорыв! Мне хотелось прыгать до потолка и вопить от радости, но вместо этого я тихо выдохнул молитву благодарности. Ларри продолжал говорить о разрушенных отношениях с родителями и некоторых трудностях с женой, а тем временем я подошел к офисной доске.

Размышляя о динамике родительского влияния на жизнь Ларри, я взял мел и принялся чертить линии, не совсем понимая, что делаю. Вдруг мои мысли прояснились, и я начертил линию под углом 45 градусов, представлявшую отвержение в жизни моего собеседника. Проводя анализ этих болезненных эпизодов, я увидел, что бунт Ларри, его пристрастие к наркотикам и вовлечение в преступления в действительности были результатом пережитого им отвержения. От верхней точки линии отвержения я провел другую косую линию, образовав перевернутую букву V. Эту вторую линию я использовал для обозначения бунта. Посмотрите на следующей странице, что у меня получилось.

Объясняя Ларри диаграмму, я увидел связь между авторитетными фигурами и его жизнью. Отвержение отца и время, проведенное в тюрьме, изранили его дух. Он поклялся больше никогда не доверять отцу, и я видел последствия этой клятвы в его жизни. Теперь он никому не мог доверять. Бунтуя и все больше погружаясь в распущенность, криминал и зависимость, Ларри таким образом выражал свое отвержение.

Мужчина в кресле подался вперед. Его прикованные к доске глаза выражали надежду.

— Эй, а в этом, похоже, есть смысл! — произнес он с легкой усмешкой на губах.

Перелистывая страницы Библии, я искал подтверждения своим мыслям. Мой мозг мчался вперед, окончательно сложив во едино те пазлы, которых не доставало как в жизни Ларри, так и в моей. Было ясно, что я обнаружил важную истину о влиянии авторитетных фигур на нашу жизнь. Когда Ларри позже уходил из офиса, мой секретарь отметила его улыбку и сияющие глаза. Я был в восторге!

ПРОЦЕСС ИСЦЕЛЕНИЯ

В последующие недели я регулярно встречался с моим клиентом. Мало-помалу я настойчиво раскрывал ему из Библии Божий стандарт для его жизни. Ларри начал меняться. Его глаза прояс-

нились, и покой наполнил его душу, вытеснив прежние тревоги. Я провел его шагами покаяния и помог ему увидеть, что он в ответе за свои решения, свергнувшие его в бездну отчаяния.

— Покаяться, — объяснил я, — значит взять ответственность за свою жизнь и принять сознательное решение отвернуться от саморазрушительных дел к созидательным и богобоязненным (праведным).

Затем я посоветовал ему ежедневно размышлять над Писанием и молиться, чтобы утвердить то, что Бог дал ему Своей милостью. Теперь это был совсем другой Ларри — человек, испытавший в духе Божье прикосновение и поменявший мучение на мир и покой.

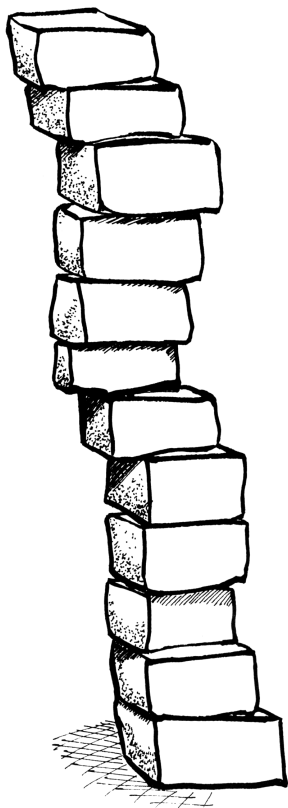
НОВЫЙ ВЫЗОВ

Жизнь Ларри и других людей, приходивших к нам за помощью, бросала мне вызов.

Как помочь Ларри и подобным ему? Какие инструменты использовать? Я решил серьезно исследовать Писание в поисках ответов и новых откровений и однажды обнаружил захватывающую истину, относившуюся к моему чертежу на доске. В 7-й главе Книги пророка Амоса говорится об Израиле как о кривой стене, не соответствующей Божьему отвесу. Заглянув в Симфонию и словарь, я обнаружил, что отвес — это инструмент, которым строители проверяют вертикальное положение стены.

Развивая эту мысль, я понял, что начертанная мной линия отвержения в жизни Ларри была ложным отвесом, так же как и линия его бунта. Ни одна из этих линий не совпадала с первоначальным планом Бога — Его Божественным отвесом, находившимся между двумя ложными, человеческими отвесами.

Это было то, что Ларри искал, но никак не мог найти. Вместо этого он всегда подстраивался под один из тех ложных отвесов отвержения и бунта, которые появились в его жизни вследствие воспитания и влияния авторитетных фигур. Когда Ларри впервые появился у меня в офисе, его жизнь нависала над ним, как кривая стена, грозя завалиться. В это же время я находил-

ся на пороге важного открытия, которое незаметно для меня складывалось в моей жизни долгие годы.

Жизнь Ларри стала выключателем, включившим свет в темных комнатах моего прошлого.

Море сверкало и переливалось мириадами оттенков. День выдался ясным и теплым. Я сидел на зазубренном куске лавы, погружив ноги в водоем, оставленный приливом, и впитывал горячее гавайское солнце.

Пока мои мысли петляли по коридорам памяти, мои дети строили песчаные замки на узкой полосе пляжа. Вчера я на-

конец сказал Ларри, что ему больше не нужно приходить ко мне. Для него это был не конец, а начало. Но я знал, что и для меня это было началом поиска более глубокого откровения. Ларри побудил меня взглянуть на мою жизнь по-новому. Расслабившись на солнце, я позволил мыслям и воспоминаниям вернуть меня в прошлое.

ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ С МОЕЙ ЖИЗНЬЮ, ГОСПОДЬ?

Я стал христианином в 13 лет благодаря служению «Бойз Бриггид». Спустя год в баптистском библейском лагере в городке Кембридж, что в Новой Зеландии, Бог заговорил со мной о миссионерстве. Я долго и усердно готовился к поступлению в университет. Но вдруг передо мной встал вопрос: что мне делать с моей жизнью? Мысли об учебе меня не радовали, поэтому я удивился, когда друг спросил меня, думал ли я о медицине.

— Медицина! — засмеялся я. — Ну, это уж слишком! Ты шутишь! Меня тошнит от школы!

Но следующие нескольких недель его слова всплывали в моей голове, накрепко засев там. Отрывки из Писания стали выпрыгивать из страниц, ярко выделенные. Мои внутренние размышления подтверждались словами и комментариями других людей. Затем я обнаружил, что три дисциплины, которые я выбрал наугад для вступительных экзаменов — биология, химия и физика, — как раз и были предметами, необходимыми для поступления в медицинский университет! Бог ясно подтверждал мое призвание к медицине, в противоположность моим рассуждениям. Вместо того чтобы сразу же отправиться на миссионерское поле без образования, я решил стать миссионером-медиком.

Поступив на подготовительный курс, я усердно занимался от зари до зари. Конкурс был большим, и лишь малый процент подавших заявление на учебу в медуниверситет были зачислены. Поэтому я не опустил рук, когда в конце года провалил экзамены, и тем более решил идти дальше.

И снова я посвятил себя часам бесконечных занятий. И снова после экзаменов я с нетерпением и волнением ожидал результатов. То, что произошло потом, ярко отпечталось у меня в памяти и никогда не сотрется. С предвкушением и волнением я мчал на итальянском скутере через весь город, чтобы присоединиться к шумной толпе абитуриентов, сгрудившихся перед доской объявлений. Я быстро пробежал по списку имен: П-Р-С-Т. Томпсон? Томпсон? Где же моя фамилия? С ужасом я осознал, что моей фамилии в списке нет. Это означало лишь одно: я снова провалил экзамены!

ГЛУБОКАЯ БОЛЬ ОТВЕРЖЕНИЯ

Ошеломленный, я едва сдерживал рыдания, понимая, что не попал в число поступивших. На свинцовых ногах, с тяжелым сердцем я отошел от доски. Внутри меня разразилась буря.

«Я — неудачник! Я всегда это знал. Я тупой! Безнадежный!» — осуждающие мысли и жалость к себе сдавливали мне голову и грудь. Мне хотелось бросить эти попытки и рвануть куда-нибудь миссионером! Все негативное, что было запрограммировано во мне за прошлые годы, поднялось внутри меня, усиливая ощущение неудачи и никчемности. Система отбора абитуриентов казалась мне крайне несправедливой! Я так усердно готовился! Намного усерднее тех ребят, чьи имена были в списке счастливицков. (Только позже я узнал, что на самом деле успешно сдал экзамены. Но в тот момент я испытывал агонию: «Почему меня не приняли?»)

Присев на траву возле небольшого ручейка в студенческом городке, я выплеснул сдерживаемые мной чувства, взывая к Богу:

— Боже, где же Ты? Разве Тебе нет до меня дела? — я бил кулаками по земле и обвинял Господа: — Я здесь только потому, что Ты призвал меня, и теперь Ты подвел меня!

Неделю я боролся, задавая себе вопросы о Боге и Его характере. Как когда-то Иов, я требовал объяснений. Если бы их не последовало, я бы с чистой совестью все бросил и отправился на миссионерское поле. В этом-то, наверное, и было дело! Мне казалось, что я сумел загнать Бога в угол, откуда Он не сможет выбраться. Поэтому я решил, что могу бросить подготовку, избежав долгих и трудных лет обучения.

Я уже начал свыкаться с выбранным мною планом действий, когда однажды вечером Бог вышел из тени с подавляющей убедительностью! Когда я молился, Он показал мне, что от меня будет мало толку на миссионерском поле, пока мое сердце не научится главной заповеди — «Послушание лучше жертвы».

ПОСВЯЩЕННЫЙ БОЖЬЕЙ ВОЛЕ

Постепенно я пришел к пониманию, что Бога больше интересует моя духовная квалификация, чем ученая степень. Он ждал от

меня послушания. С тяжелым сердцем я заставил себя вернуться к изучению медицины.

Последующие шесть студенческих лет я потел над учебниками, решив во что бы то ни стало преуспеть. Когда мне исполнилось 28 лет, настал день моей победы и триумфа — я получил степень доктора медицинских наук. После долгих лет утомительных занятий я таки достиг своей цели. Наконец-то я мог стать миссионером-медиком.

В течение года я ездил по разным странам с межденоминационным международным служением «Молодежь с миссией» (МсМ)¹, неся Благоую Весть, и в конце концов оказался в Гане, в Западной Африке. Здесь для меня была широко открыта дверь для сотрудничества с организацией *Worldwide Evangelization Crusade (W.E.C.)* — «Всемирный поход евангелизации». Так же, как и у МсМ, цель *W.E.C.* — достигать уголки земли, не затронутые благовестием. Вместе с Барбарой, моей женой, мы начали мобильное медицинское служение, ежедневно сталкиваясь с трудностями передачи Евангелия диким племенам, у которых основной целью жизни было добывание воды и пищи для выживания. Общение не клеилось, пока мы не обнаружили, что путь к их сердцам лежит через медицину. Благодаря этому там, где раньше не было ни одной церкви, возникли и выросли сразу несколько общин.

Через четыре года мы вернулись в Новую Зеландию, планируя год отдохнуть. Но вместо этого мне пришлось вести напряженную врачебную практику. Пациенты шли ко мне один за другим. Когда я не знал, как им помочь, а это случалось частенько, я тихонько молился, обращаясь за помощью к Иисусу, прося Его помочь мне поставить точный диагноз и назначить правильное лечение. Но что расстраивало меня больше всего, так это осознание того, что, если не изменится образ жизни моих пациентов, рано или поздно они снова вернуться ко мне с рецидивом.

Однажды у меня появилась возможность поделиться тем, что меня так огорчало, со старейшинами общины, которую мы посеща-

¹ С англ. *Youth with a Mission (YWAM)*.

ли. В ответ они предоставили нам не только помещение церкви, но и нескольких сотрудников для того, чтобы мы с моей женой могли открыть центр консультации и здравоохранения. Вскоре напряженная работа центра заставила меня прекратить частную врачебную практику и полностью посвятить себя новому медицинскому поприщу. В те дни мы достигли в служении больших успехов, и тут Бог прервал наше, как нам казалось, служение на всю жизнь, — Он призвал нас на Гавайи! Старейшины поддержали нас, и спустя полтора года после начала нашей работы мы оказались на борту самолета новозеландских авиалиний, летевшего в Гонолулу.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

— Добро пожаловать в Кону! — наша приветливая бортпроводница повернула ручки, чтобы открыть двери, и приятная полинезийская музыка наполнила салон самолета.

«Кона? Гавайи? — пробормотал я, выглядывая из иллюминатора. — Это не может быть Кона! Мне кажется, мы сели Луну!» Меня поразила широкая полоса застывшей вулканической лавы. Над взлетной площадкой поднимались струи жаркого воздуха. Вдали возвышалась гора, а справа теплые волны Тихого океана бились об извилистый берег. Барбара едва справлялась со своими эмоциями, так же как и наш трехлетний сынишка Майкл, сгусток энергии, который нам было нелегко укротить. Взяв на руки Лионеля, нашего пятнадцатимесячного карапуза, я направился к выходу.

Никто из тех, кто видел нас спускавшимися по трапу в тот январский день 1976 года, и представить себе не мог, что на Гавайях нам предстоит провести больше десяти лет. А мы тем более! Наша церковная община в Палмерстон-Норс, в Новой Зеландии, отпустила нас на три года, чтобы я помог начать медицинскую программу в МсМ.

Перед нами стояла серьезная задача — создать передвижную медсанчасть, которую можно легко перенести на корабль, а затем в любую точку мира. Но вскоре мне предстояло узнать, что у Бога был другой план на мою жизнь. После нескольких безуспешных

попыток начать эту работу я получил письмо от лицензионного совета, в котором сообщалось, что для получения лицензии на медицинскую практику в штате Гавайи мне нужно пройти трехлетнюю стажировку в больнице, работающей по лицензии штата, и потом снова сдать экзамены!

Меня охватили смущение и растерянность. Я оказался с женой и двумя маленькими детьми за много километров от дома, уверенный в Божьем водительстве, и вдруг перед моим носом захлопнулись двери! Ко всему еще и Барбара была уверена, что я переехал прежде, чем услышал указания от Бога. Она все время твердила мне об этом.

— Просто замечательно! — восклицала она гневно. — Теперь остается только собирать чемоданы и возвращаться домой.

Для нее Гавайи вовсе не были раем, а МсМ — организация, борющаяся в те первопроходческие дни за существование, — только подливала масло в ее огонь уверенности в том, что мы совершили ошибку, оставив наше успешное служение в Новой Зеландии.

УПОРСТВО

Я не был уверен, слышал ли на самом деле голос Божий, или это были только мои предположения. Следовало ли нам возвращаться домой, или у Бога были Свои мысли на сей счет? Внутренняя борьба становилась все интенсивнее, и я склонялся то к водительству Божьему, то к обстоятельствам. Но посреди всех голосов, требовавших к себе внимания, я не мог избавиться от внутренней уверенности, которая тихонько ободряла меня. Наконец я решил остаться и переждать бурю с надеждой, что указательные знаки появятся.

Прошло немало времени, пока мы заметили эти указательные знаки, и нам не раз казалось, что мы потеряли все. У нас не было ни служения, ни медицинской практики, как в Новой Зеландии. Вдобавок ко всем этим трудностям, наш сын Майкл едва не погиб. Играя с друзьями, он сломал гнилые перила и упал с шестиметровой высоты на бетонную дорожку. Мы повезли его в

больницу, опасаясь худшего (у него был перелом основания черепа и большая гематома на правом глазу). Но много наших новых гавайских друзей и те, кто остался дома, молились за Майкла. И, к нашему огромному облегчению, его здоровье быстро и полностью восстановилось.

Когда мы выполняли разную работу в растущем служении МсМ в Конне, кое-какие указательные знаки стали появляться. Мы начали понимать некоторые цели Бога, ради которых Он призвал нас на Гавайи.

Однажды, разговаривая с основателем МсМ Лореном Каннингемом и его женой Дарлин, мы рассказали им о нашем успешном служении консультирования в Новой Зеландии и о том, что Бог ясно показал нам следующее: медицина должна стать дополнением к нашему основному служению консультирования. Услышав об этом, Лорен предложил вместе помолиться, и каждый из нас получил ясное подтверждение тому, что Бог указывал на новое служение в МсМ. И Барбара и Дарлин получили от Духа стихи из Исаии 54:2–3, где говорилось о расширении служения: «...пусти длиннее верви твои и утверди колья твои...» Казалось, Бог говорил, что рост служения превзойдет все наши ожидания.

После посещения нескольких консультативных клиник в США и знакомства с двумя людьми, которые согласились нам помогать, в январе 1977 года мы открыли нашу первую консультативную клинику в Конне. Именно здесь мы и познакомимся с Ларри и другими нашими клиентами. Бог начал высвобождать ключевые истины для того, чтобы открывать потайные двери в жизни людей. Вскоре Господь побудил нас проводить семинары по консультированию для подготовки новых служителей и умножения этого послания по всему миру. Через несколько лет количество семинаров выросло и превратилось в программы, пройдя которые можно было получить степень Университета наций при МсМ в Конне. Позже семинары начали проходить и в других странах в форме школ при университете.

В этой книге я расскажу о библейском подходе к целостности и исцелению, которому я научился за годы обучения и служения.

Приглашаю вас присоединиться ко мне в этом путешествии, где вы обретете истинного себя благодаря самому надежному ориентиру в жизни — *Божественному отвесу*.